

Иван Тургенев

Отчаянный

Иван Сергеевич Тургенев

Отчаянный

Серия «Отрывки из воспоминаний

– своих и чужих», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3006205

Аннотация

С художественной стороны рассказ в большинстве отзывов был оценен положительно. Так, например, Арс. И. Введенский писал, что «Отчаянный» «производит впечатление в высшей степени целостное и живое». Анонимный рецензент «Голоса» в «Литературной летописи» отмечал, что «портрет» Миши Полтева «принадлежит к числу наиболее удачных из тех, какие выходили из-под пера Тургенева. Он совсем живой; забыть его, раз на него взглянув, невозможно. Вообще вся серия рассказов, названная автором „Из воспоминаний своих и чужих“, из которой в прошлом году появился уже рассказ „Старички“ (То есть «Старые портреты»), обещает быть собранием законченных очерков»...

Содержание

I	4
II	8
III	13
IV	16
V	22
VI	27
VII	31
VIII	36
Примечания	40
Источники текста	40
Условные сокращения	58
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

Отчаянный

I

...Нас было человек восемь в комнате – и мы разговаривали о современных делах и людях.

– Не понимаю я этих господ! – заметил А., – они отчаянные какие-то! Право, отчаянные... Ничего подобного еще никогда не бывало.

– Нет, бывало, – вмешался П., уже старый, седоволосый человек, родившийся около двадцатых годов нынешнего столетия, – отчаянные люди водились и прежде; только не походили они на нынешних отчаянных. Про поэта Языкова кто-то сказал, что у него был восторг, ни на что не обращенный, беспредметный восторг;^[1] так и у тех людей – отчаянность была беспредметная. Да вот, если позволите, я вам расскажу историю моего двоюродного племянника, Миши Полтева. Она может служить образчиком тогдашней отчаянности.

Явился он на свет божий, помнится, в 1828 году, в родовом поместье своего отца, в одном из самых глухих уголков глухой, степной губернии. Мишина отца, Андрея Николаевича Полтева, я еще хорошо помню. Это был настоящий

старозаветный помещик, богобоязненный, степенный человек, достаточно – по тому времени – образованный, немного, правду сказать, придурковатый, да и к тому же страдавший падучей болезнью... Это тоже старозаветная, дворянская болезнь... Впрочем, припадки у Андрея Николаевича бывали тихие, и разрешались они обыкновенно сном да унылостью. Сердца он был доброго, обращения приветливого, не без некоторой величавости: я себе всегда таким воображал царя Михаила Федоровича. Вся жизнь Андрея Николаевича протекла в неукоснительном исполнении всех с давних времен установившихся обрядов, в строгом соответствии со всеми обычаями древнеправославного, святорусского быта. Он вставал и ложился, кушал и в баню ходил, веселился и гневался (то и другое, правда, редко), даже трубку курил, даже в карты играл (два больших новшества!) не так, как бы ему вздумалось, не на свой манер, а по завету и преданию отцов – истово и чинно. Сам он был высокого роста, осанист и мясист, голос имел тихий и несколько хрипловатый, как оно часто бывает у русских добродетельных людей; соблюдал опрятность в белье и одежде, носил белые галстухи и табачного цвета длиннополые сюртуки, а дворянская кровь все-таки сказывалась: за поповича или купца никто бы его не принял! Всегда, при всех возможных случаях и встречах Андрей Николаевич несомненно знал, как надо поступать, что надо говорить и какие именно выражения употреблять; знал, когда должно лечиться и чем именно, каким приме-

там должно верить и какие можно оставлять без внимания... словом, знал всё, что следует делать... Ибо всё, мол, стариками предусмотрено и указано – своего только не придумывай... А главное: без бога – ни до порога! Должно сознаться: скука смертельная царила в его доме, в этих низких, теплых и темных комнатах, столь часто оглашаемых пением всеобщих и молебных, с почти не переводившимся запахом ладана и постных кушаний!

Женился Андрей Николаевич, уже не в первой молодости, на соседней бедной барышне, очень нервической и болезненной особе, бывшей институтке. Она недурно играла на фортепиано, говорила по-французски на институтский лад; охотно восторгалась и еще охотнее предавалась меланхолии и даже слезам... Словом – характера была беспокойного. Считая жизнь свою загубленной, она не могла любить своего мужа, который, «конечно», ее не понимал; но она уважала... она сносила его; и будучи существом вполне честным и вполне холодным, ни разу даже не подумала о другом «предмете». К тому же ее постоянно поглощали заботы, во-первых, о своем собственном, действительно слабом здоровье; во-вторых, о здоровье мужа, припадки которого ей всегда внушали нечто вроде суеверного ужаса; а наконец, и о единственном своем сыне, Мише, которого она воспитывала сама с большим рвением. Андрей Николаевич не мешал жене заниматься Мишей – но с условием: ни под каким видом не выступать из однажды навсегда назначенных рамок,

в которых всё должно было вращаться у него в доме! Так, например: в святки и под Новый год, в Васильев вечер Мише позволялось наряжаться вместе с другими «хлопчиками», и не только позволялось, но даже ставилось в обязанность... Зато – сохрани бог в другое время! и т. д. и т. д.

II

Помню я этого Мишу лет тринадцати. Это был очень милый мальчик с розовыми щечками и мякенькими губками (да и весь он был мякенький да пухленький), с несколькими выпуклыми влажными глазами, тщательно приглаженный и причесанный, ласковый и стыдливый – настоящая девочка! Одно только в нем мне не нравилось: смеялся он редко; но когда смеялся – зубы его, крупные, белые и по-звериному заостренные, неприятно выставлялись – и самый смех звучал чем-то резким и даже диким, почти зверским, – а в глазах пробегали нехорошие искры. Мать всё хвалила его за то, что он такой послушный и вежливый – и с мальчиками-шалунами не любит знаться, а всё больше льнет к женскому обществу. «Матушкин сынок, неженка, – отзывался о нем отец, Андрей Николаевич, – но зато в храм божий ходит охотно... И это меня радует». Один только старик сосед, бывший исправник, сказал раз при мне о Мише: «Помилуйте, бунтовщик будет». И это слово меня, помнится, тогда очень удивило. Бывший, исправник, правда, всюду видел бунтовщиков.

Точно таким примерным юношей оставался Миша до 18-летнего возраста, до самой смерти родителей, которых он лишился едва ли не в один и тот же день. Живя постоянно в Москве, я ничего не слышал о моем молодом родственнике. Правда, один приезжий из его губернии уверял меня, буд-

то бы Миша продал за бесценок свое родовое имение; но это известие казалось мне слишком неправдоподобным! И вот вдруг, в одно осеннее утро, на двор моего дома влетает коляска, запряженная парой превосходных рысаков, с чудовищным кучером на козлах; а в коляске – облеченный в шинель военного покроя с двухаршинным бобровым воротником, с фуражкой набекрень *à la diable m'emporte*¹, сидит... Миша! Увидав меня (я стоял у окна гостиной и с изумлением глядел на влетевший экипаж), он захохотал своим резким хохотом и, лихо тряхнув обшлагом шинели, выпрыгнул из коляски и вбежал в дом.

– Миша! Михаил Андреевич! – начал было я... – Вы ли это?

– Говорите мне: «ты» и «Миша», – перебил он меня. – Я... это я, собственной персоной... явился в Москву... на людей посмотреть... и себя показать. Вот и к вам заехал. Каковы рысачки?.. А? – он опять захохотал.

Хотя лет семь прошло с тех пор, как я в последний раз видел Мишу, но узнал я его тотчас. Лицо у него осталось совсем молодым и по-прежнему миловидным, – даже ус не пробился; только под глазами на щеках появилась одутловатость – и изо рта пахло вином.

– Да давно ли ты в Москве? – спросил я. – Я полагал, что ты там в деревне, хозяйничаешь...

– Э! Деревню-то я тотчас побоку! Как только родители,

¹ а-ля чёрт меня побери (франц.).

царство им небесное, скончались (Миша перекрестился истово, без малейшего кощунства) – я сейчас, нимало не медля... эйн, цвей, дрей! ха-ха! Дешево спустил, канальство! Такой подвернулся шельмец. Ну, да всё равно! По крайней мере проживу в свое удовольствие – и других потешу. Да что вы на меня так уставились? Неужто же в самом деле мне было тянуть да тянуть эту капитель?.. Голубчик, родной, нельзя ли чарочку?

Миша говорил ужасно скоро, торопливо и в то же время как бы спросонья.

– Миша, помилуй! – возопил я, – побойся ты бога! На кого ты похож, в каком ты виде? А еще чарочку! И продать такое хорошее имение за бесценок...

– Бога я всегда боюсь и помню, – подхватил он. – Да ведь он добрый – бог-то... простит! И я тоже добрый... никого еще в жизни не обидел. И чарочка тоже добрая; и обижать... тоже никого не обижает. А вид у меня самый настоящий... Дяденька, желаете, стрункой по половице пройду? Или попляшу немного?

– Ах, пожалуйста, избавь! Какой тут пляс? Ты лучше сядь.

– Сесть-то я сяду... Да что вы мне ничего не скажете о моих серых? Вы посмотрите, ведь львы! Пока я их нанимаю, но куплю непременно... вместе с кучером. Свои лошади не в пример выгоднее. И деньги ведь были, да спустил их вчера в банчишко.^[2] Ничего, завтра наверстаем. Дяденька... а что же чарочку?

Я всё еще не мог опомниться.

– Помилуй, Миша, сколько тебе лет? Не лошадьми, не карточной игрой тебе заниматься следует... а в университет поступить, или на службу.

Миша сперва опять захохотал, потом свистнул протяжно.

– Ну, дяденька, я вижу, вы теперь в меланхолическом настроении. Заверну в другой раз. А вы вот что: заезжайте-ка вечерком в Сокольники. Там у меня палатка разбита. Цыгане поют...^[3] Фу ты! ну ты! держись только! А на палатке вымпел, а на вымпеле ба-альшими буквами написано: «Хор полтевских цыган». Змеем вымпел-то вьется, буквы золотые, всякому прочесть лестно. Угощение – кто только пожелает!.. Отказу нет. Пыль по всей Москве пошла... мое почтение!.. Что ж? Заедете? Уж какая там у меня есть одна... аспид! Черна, как сапог, злюща, как собака, а глаза... уголья! Никогда невозможно знать: что она – поцелует или укусит? Заедете, дяденька?.. Ну, до свидания!

И, внезапно обняв и чмокнув меня в плечо, Миша выскочил на двор, в коляску, махнул над головой фуражкой, гикнул, – чудовищный кучер покосился на него через бороду, рысаки рванулись, и всё исчезло!

На другой день я, грешный человек, поехал-таки в Сокольники и действительно увидел палатку с вымпелом и надписью. Пóлы палатки были приподняты: шум, треск, визг неслись оттуда. Народ толпился кругом. На земле на разостланном ковре сидели цыгане, цыганки, пели, били в бубны,

а посреди их, с гитарой в руках, в шелковой рубахе и бархатных шароварах, юлою вертелся Миша. «Господа! почтенные! милости просим! сейчас представление начнется! Даровое! – кричал он надтреснутым голосом. – Эй! шампанского! хлоп! в лоб! в потолок! Ах ты, шельма, Поль де Кок!»^[4] – К счастью, он не увидал меня, и я поспешил удалиться.

Не буду, господа, я распространяться о моем изумлении при виде такой перемены. И в самом деле, как мог этот смирный и скромный мальчик превратиться вдруг в пьяного шалопаю?! Неужто же это всё в нем таилось с детства и тотчас выступило наружу, как только соскочил с него гнет родительской власти? А что пыль пошла от него по Москве, как он выражался, – в этом уже точно не было никакого сомнения. Видал я кутил на своем веку; но тут проявлялось нечто неистовое, какое-то бешенство самоистребления, какое-то отчаяние!

III

Месяца два продолжалась эта потеха... И вот стою я опять у окна в гостиной и посматриваю на двор... Вдруг – что за притча?! входит в ворота тихой поступью послушник... Шапюлька гречником надвинута на лоб, волосики из-под ней расчесаны направо и налево... длинный подрясник, кожаный пояс... Неужели Миша? Он и есть!

Вышел я к нему на крыльцо...

– Это что за маскарад? – спрашиваю я.

– Не маскарад, дяденька, – отвечает мне Миша с глубоким вздохом. – А так как я всё мое имущество до последней копейки растранижил – да и раскаяние мною овладело сильное, – то и решил я отправиться в Троицкую Сергиеву лавру^[5] грехи свои отмаливать. Ибо какой мне теперь приют остался?.. И вот пришел я к вам проститься, дяденька, как блудный сын...

Я посмотрел в упор на Мишу. Лицо всё такое же, розовое да свежее (впрочем, оно так и не изменилось у него до конца), и глаза влажные да ласковые с поволокой, и ручки беленькие... А вином отдает.

– Что ж? – промолвил я наконец, – дело хорошее – коли другого исхода нет. Но зачем же от тебя вином-то пахнет?

– Старая закваска, – ответил Миша и вдруг засмеялся – да тотчас спохватился и, поклонившись прямым и низким,

монашеским поклоном, прибавил: – Не пожалуйте ли что на путь-дороженьку? Ведь в монастырь иду я пешком...

– Когда?

– Сегодня... сейчас.

– К чему же так спешить?

– Дяденька! Мой девиз всегда был: скорей! скорей!

– А теперь какой у тебя девиз?

– И теперь тот же... Только – к *добру* скорей!

Так Миша и ушел, предоставив мне размышлять о превратностях судеб человеческих.

Но он скоро опять напомнил мне о своем существовании. Месяца два спустя после его посещения я получил от него письмо, первое из тех писем, которыми он впоследствии наделял меня.^[6] И заметьте странность: я редко видывал более опрятный и четкий почерк, чем у этого безалаберного человека. И слог его писем был очень правильный, слегка витиеватый. Неизменные просьбы о помощи всегда чередовались с обещаниями исправиться, честными словами и клятвами... Всё это казалось – а может, и было – искренним. Росчерк Миши под письмом постоянно сопровождался особенными закрутасами, черточками и точками – и много употреблял он восклицательных знаков. В том первом письме Миша извещал меня о новом «обороте своей фортуны». (Впоследствии он называл эти обороты – нырками... и нырял он часто.) Он отправлялся на Кавказ служить «грудью» царю и отечеству, в качестве юнкера! И хотя некая добродетель

тельная тетка вошла в его бедственное положение и прислала ему незначительную сумму, – он, однако, все-таки просил и меня помочь ему экипироваться. Я исполнил его просьбу и в течение двух лет опять ничего не слышал о нем.

Признаться, я сильно сомневался в том, поехал ли он на Кавказ? Но оказалось, что он точно поехал туда, по протекции поступил в Т...й полк юнкером и прослужил в нем эти два года. Целые легенды составились там о нем. Мне их сообщил один офицер его полка.

IV

Я узнал много такого, чего я и от него не ожидал. Меня, конечно, не удивило то, что военным человеком, служакой, он оказался плохим, даже просто негодным; но чего я не ожидал, так это того, что и храбрости в нем особенной не замечалось; что в сражениях он имел вид унылый и вялый, не то скучал, не то смущался. Всякая дисциплина его стесняла, внушала ему грусть; дерзок он был до сумасбродства, когда дело шло только о нем *лично*: не было такого безумного пари, от которого бы он отказался; но делать зло другим, убивать, драться он не мог – быть может, оттого, что сердце у него было доброе, а быть может, оттого, что «хлопчатобумажное» (как он выражался) воспитание его изнежило. Самого себя истреблять он был готов всячески и во всякое время... Но других – нет. «Чёрт его разберет, – толковали о нем товарищи, – дряблый он, тряпка – и отчаянный какой-то, просто оглашенный!» Случалось мне впоследствии спрашивать Мишу: какой это злой дух его толкает, заставляет пить запоем, рисковать жизнью и т. п.? У него всегда был один ответ: тоска!

– Да отчего – тоска?

– Как же, помилуйте! Придешь таким образом в себя, почувствуешь, станешь размышлять о бедности, о несправедливости, о России... Ну – и кончено! Сейчас тоска – хоть

пулю в лоб! Закутишь поневоле.

– Россию-то ты зачем сюда приплел?

– А то как же? Нельзя! Оттого я и боюсь размышлять.

– Всё это у тебя – и тоска эта – от бездействия.

– Да не умею я ничего делать, дяденька! родной! Вот взять да жизнь на карту поставить – паролі пэ,^[7] да шелк за воротник! Это я умею! Вы вот научите меня, что мне делать, жизнью из-за чего рискнуть! Я – сию минуту!..

– Да ты живи просто... Зачем рисковать?

– Не могу! Вы скажете: необдуманно я поступаю... Как же иначе?... Станешь думать – и, господи, что в голову ползет! Это немцы одни думают!..

Как тут было разговаривать с ним? Отчаянный – да и полно!

Из числа кавказских легенд, о которых я упомянул, расскажу вам две, три. Однажды, в обществе офицеров, стал Миша хвастаться выменянной шашкой: «Настоящий персидский клинок!» Офицеры выразили сомнение, точно ли клинок настоящий? Миша заспорил. «Да вот, – воскликнул он наконец, – говорят, насчет шашек первый знаток – Абдулка кривой. Поеду к нему и спрошу». Офицеры изумились. «Это какой Абдулка? Что в горах живет? Не мирной? Абдулхан?» – «Он самый и есть». – «Да он тебя за лазутчика примет, в клоповник засадит – а не то этой самой шашкой голову тебе срежет. Да и как ты доберешься до него? Тебя сейчас сцапают». – «А я все-таки поеду к нему». – «Пари, что

не поедешь!» – «Пари!» – И Миша тотчас оседлал лошадь и поехал к Абдулке. Три дня пропадал. Все были убеждены, что пришел оглашенному конец. Глядь! вернулся – пьянехонек и с шашкой, только не с той, которую повез, а с другою. Стали его расспрашивать. «Ничего, говорит, добрый Абдулка человек. Сперва точно кандалы велел мне на ноги набить и даже на кол посадить собирался. Только я объяснил ему, зачем приехал, и шашку показал. „И не задерживай ты меня, говорю: выкупа, говорю, за меня не жди; гроша у меня за душою нет – и родных не имеется“. Удивился Абдулка; посмотрел на меня единым своим глазом. „Ну, говорит, делибаш ты, урус; должен я тебе верить?“ – „Верь, говорю; я не лгу никогда“. (И точно Миша никогда не лгал.) Опять посмотрел на меня Абдулка. „А пить вино умеешь?“ – „Умею, говорю; сколько дашь, столько и выпью“. Опять удивился Абдулка, аллаха помянул. И велел он тут своей – дочке, что ли, хорошенькая такая, только взгляд, как у чекалки, – притащить бурдюк. И начал я действовать. „А шашка твоя, говорит, фальшивая; вот возьми настоящую. И теперь мы с тобой кунаки“. А пари вы, господа, проиграли; платите!»

Вторая легенда о Мише вот какого свойства: он до страсти любил карты; но так как денег у него не водилось и карточные долги он не платил (хотя шулером никогда не был), то играть с ним уже никто не садился. Вот однажды начал он приставать к одному товарищу-офицеру: сыграй да сыграй с ним! «Да ведь ты проиграешь – не отдашь». – «Деньгами

точно не отдам – а левую руку себе прострелю, вот этим самым пистолетом!» – «Да какая мне от этого выгода будет?» – «Выгоды никакой – а все-таки любопытно». Разговор этот происходил после попойки, при свидетелях. Точно ли показалось офицеру любопытным Мишино предложение – только он согласился. Принесли карты, началась игра. Мише повезло: он выиграл сто рублей. И тут противник его ударил себя по лбу. «Какой же я олух! – воскликнул он, – на какую удочку попался! Кабы ты проиграл, стал бы ты себе простреливать руку – как же, держи карман!» – «А вот ты и соврал, – возразил Миша, – я и выиграл, да руку себе прострелю». Он схватил пистолет – и бац! прострелил себе руку. Пуля пролетела насквозь... а неделю спустя рана зажила совершенно.

В другой еще раз ехал Миша ночью с товарищами по дороге... И видят они, возле самой дороги зияет узкий овраг вроде расселины, темный-претемный, дна не видать. «Вот, – говорит один товарищ, – уж на что Мишка отчаянный, а в этот овраг не прыгнет». – «Нет, прыгну!» – «Нет, не прыгнешь, потому что в нем, пожалуй, сажений десять глубины и шею сломить можно». Знал приятель, за что его задеть: за самолюбие... Очень оно было у Миши велико. «А я все-таки прыгну! Хочешь пари? Десять рублей». – «Изволь!» И не успел товарищ выговорить это слово, как уже Миша с коня долой – в овраг – и загремел по камням. Все так и замерли... Прошла добрая минута, и слышат они, словно из земной утробы, доносится Мишин голос, глухо таково: «Цел!

в песок попал... А летел долго! Десять рублей за вами». – «Вылезай!» – закричали товарищи. «Да, вылезай! – отозвался Миша, – чёрта с два! вылезешь тут. Вам теперь за веревками да за фонарями ехать надо. А пока, чтобы не скучно было ждать, бросьте-ка мне фляжку...»

Так и пришлось Мише просидеть часов пять на дне оврага; и когда его вытащили, у него плечо оказалось вывихнутым. Но это несколько его не смутило. На другой же день костоправ из кузнецов вправил ему плечо, и он действовал им как ни в чем не бывало.

Вообще здоровье у него было удивительное, неслыханное. Я уже сказывал вам, что он до самой смерти сохранил почти детскую свежесть лица. Болезней он не ведал, несмотря на все излишества; крепость его организма ни разу не пошатнулась. Где бы другой непременно занемог опасно или даже умер бы, он только встряхивался, как утка на воде, и расцветал пуще прежнего. Раз, тоже на Кавказе... Правда, *эта* легенда довольно неправдоподобна, но по ней можно судить, на что считали Мишу способным... Итак, раз на Кавказе он в пьяном виде свалился в ручей нижней частью туловища – голова и руки остались на берегу, наружу. Дело было зимою, ударил сильный мороз, и когда его нашли на другое утро, ноги его и живот сквозили из-под крепкой ледяной коры, намерзшей в течение ночи – и хоть бы насморк он схватил! В другой раз (это было уже в России, под Орлом, и тоже в жестокий мороз) попал он в загородный трактир, в компанию

семи молодых семинаристов. Семинаристы эти праздновали свой выпускной экзамен, а Мишу пригласили, как милого человека, человека «со вздохом», как говорилось тогда. Выпито было чрезвычайно много, и когда наконец веселая ватага собралась к отъезду, Миша, мертвецки пьяный, находился уже в бесчувственном состоянии. У всех семи семинаристов были одни только троечные сани с высоким задком; куда было деть безответное тело? Тогда один из молодых людей, вдохновившись классическими воспоминаниями, предложил привязать Мишу за ноги к задку саней, как Гектора к колеснице Ахиллеса!^[8] Предложение было одобрено... и, подпрыгивая на ухабах, скользя боком на раскатах, с задранными кверху ногами, с вывалянной в снегу головой, проехал наш Миша на спине все двухверстное расстояние от тракта до города и хоть бы кашлянул потом, хоть бы поморщился! Таким дивным здоровьем наделила его природа!

V

С Кавказа он опять отъявился в Москву, в черкеске, с патронами на груди, с кинжалом на поясе, с высокой папахой на голове. С этим костюмом он уже до конца не расстался, хоть и не находился более на военной службе, из которой его исключили за неявку к сроку. Он побывал у меня, занял немного денег... и тут-то начались его «нырки», начались его хождения по мытарствам, или, как он выражался, по семи Семионам;^[9] начались внезапные отлучки и возвращения, посыпались красиво написанные письма, адресованные ко всем возможным лицам, начиная с митрополита и кончая берейторами^[10] и повивальными бабками! Пошли визиты к знакомым и незнакомым! И вот что следует заметить: делая свои визиты, он не низкопоклонничал и не канючил, а, напротив, держался прилично и даже вид имел веселый и приятный, хотя заматерелый запах вина сопровождал его повсюду – и восточный костюм понемногу превращался в лохмотья. «Дадите, бог вас наградит, хоть я этого и не стою, – говорил он, светло улыбаясь и откровенно краснея, – не дадите, будете вполне правы, и сердиться я уже никак не стану. Прокормлюсь, бог даст! Ибо людей беднее меня и более достойных помощи – много, очень много!» Миша особенно успевал у женщин: он умел возбуждать их сожаление. И не думайте, чтобы он был или воображал себя Ловласом...^[11] О

нет! в этом отношении он был очень скромен. Унаследовал ли он от родителей такую холодную кровь или, наконец, и тут сказывалось его нежелание делать кому-либо зло, – так как, по его понятиям, с женщиной знаться значит непременно женщину обидеть, – решить я не берусь; только он в своих поступках с прекрасным полом был весьма деликатен. Женщины это чувствовали и тем охотнее жалели его и помогали ему, пока он, наконец, не отталкивал их своим загулом и запоем, той отчаянностью, о которой я уже говорил... другого слова я придумать не могу.

Зато в других отношениях он уже всякую деликатность утратил и понемногу спустился до последних унижений. Он раз до того дошел, что в Т...м дворянском собрании выставил на столе кружку с надписью: «Всякий, кому покажется лестным щелкнуть по носу столбового дворянина Полтева (подлинные документы при сем прилагаются), может удовлетворить свое желание, положивши рубль в сию кружку». И говорят, нашлись любители щелкать дворянина по носу! Правда, он одного из этих любителей, за то, что тот, положивши *один* рубль в кружку, дал ему *два* щелчка, сперва чуть не задушил, а потом заставил попросить извинения; правда и то, что часть вырученных таким образом денег он тут же роздал другим голышам... но всё же какое безобразие!

В течение своих странствований по семи Семионам он добрался также до своего родового гнезда, проданного им за бесценнок известному в то время аферисту и ростовщику.

Аферист был дома и, узнав о прибытии прежнего владельца, превратившегося в бродягу, приказал не пускать его в дом, а в случае нужды даже турнуть его в шею. Миша объявил, что в дом, оскверненный присутствием мерзавца, он сам не пойдет; турнуть же себя никому не позволит, а отправится на церковный погост поклониться праху своих родителей. Он так и сделал. На погосте присоединился к нему старик дворовый, бывший когда-то его дядькой. Аферист лишил старика месячины и прогнал его вон из усадьбы; тот с тех пор уютился в закутке у мужика. Миша такое недолгое время заведовал своим именем, что особенно хорошей памяти о себе оставить не успел; однако старый слуга все-таки не вытерпел и, узнав о прибытии своего барчука, тотчас побежал на погост, нашел Мишу сидевшим на земле между надгробными плитами, попросил у него, по старой памяти, ручку и даже прослезился, глядя на лохмотья, которыми облекались некогда выхоленные члены его воспитанника. Миша долго, молча, смотрел на старика. «Тимофей!» – сказал он наконец. Тимофей встрепенулся. «Чего изволите?» – «Есть у тебя лопата?» – «Достать можно... А на что вам лопата, сударь Михайло Андреич?» – «Хочу себе тут могилку вырыть, Тимофей, – да и лечь тут на веки вечные, между родителями. Ведь только одно местечко и осталось у меня на свете. Принеси лопату!» – «Слушаю», – сказал Тимофей; пошел и принес. И Миша тотчас начал рыть землю, а Тимофей стоял возле, подперши рукою подбородок и повторяя: «Толь-

ко и осталось нам с тобою, барин!» А Миша рыл да рыл, от времени до времени спрашивая: «Ведь не стоит жить, Тимофей?» – «Не стоит, батюшка». Ямка уже становилась довольно глубокой. Люди увидели Мишину работу и побежали доложить о ней новому владельцу, аферисту. Аферист сперва разгневался, хотел за полицией послать: это, мол, кощунство! Но потом, вероятно, сообразив, что дело иметь с этим сумасбродом все-таки неудобно, может выйти скандал, – отправился самолично на погост – и, подойдя к трудившемуся Мише, вежливо ему поклонился. Тот продолжал рыть, как бы не замечая своего преемника. «Михаил Андреич, – начал аферист, – позвольте узнать, что это вы тут делаете?» – «А вот видите – могилу себе рою». – «Это зачем же?» – «А затем, что жить больше не желаю». Аферист даже руками развел. «Не желаете жить?» Миша грозно взглянул на афериста: «Это вас удивляет? Разве не вы всему причиной?.. Не вы?.. Не ты?.. Не ты, Иуда, меня ограбил, воспользовавшись моим младенчеством? Не ты с мужиков шкуру дерешь? Не ты вот этого дряхлеца хлеба насущного лишил? Не ты?.. О господи! везде одна несправедливость, да притеснение, да злодейство... Пропадай, значит, всё – и я туда же! Не хочу жить, не хочу в России более жить!» И лопата еще быстрее заходила в Мишиных руках.

«Чёрт знает что это такое! – подумал аферист, – ведь взаправду закопается». – «Михаил Андреевич, – начал он снова, – послушайте; я перед вами точно виноват; мне об вас

не так доложили». Миша рыл. «Но к чему такое отчаяние?» Миша всё рыл – и землю бросал на ноги аферисту: «На, мол, тебе, землеед!» – «Право, это вы напрасно. Не угодно ли будет вам зайти ко мне – закусить да отдохнуть?» Миша приподнял голову. «Вот ты теперь как! А выпивка будет?» Аферист обрадовался. «Помилуйте... еще бы!» – «И Тимофея пригласишь?» – «Отчего же... и его». Миша задумался. «Только смотри... ведь ты меня по миру пустил... Одной бутылочкой не полагай отделаться!» – «Не беспокойтесь... будет всего вволю». Миша встал и бросил лопату... «Ну, Тимоша, – обратился он к старому дядьке, – уважим хозяина... Идем!» – «Слушаю», – отвечал старик.

И все трое отправились в дом.

Аферист знал, с кем имел дело. Спервоначала Миша, правда, взял с него слово, что он крестьянам «всякие льготы определит»; но уже час спустя тот же Миша, вместе с Тимофеем, оба пьяные, плясали галопад^[12] по самым тем комнатам, где, казалось, еще витала богобоязненная тень Андрея Николаевича; а еще час спустя беспробудно заснувший Миша (он был очень слаб на вино) – уложенный в телегу вместе с папашой и кинжалом – отправился в город, за двадцать пять верст, – и оказался там под забором... Ну, а Тимофея, который всё еще стоял на ногах и только икал, конечно, «турнули»: барина не удалось, так хоть слугу.

VI

Опять прошло несколько времени, и я ничего не слышал о Мише... Бог его знает, где он пропадал. Вот однажды, сидя за самоваром на станции Т...го шоссе в ожидании лошадей, я вдруг услышал под раскрытым окном станционной комнаты сиплый голос, произносивший по-французски: «Monsieur... monsieur... prenez pitié d'un pauvre gentilhomme guiné...»² Я поднял голову, взглянул... Облезлая папаха, поломанные патроны на разорванной черкеске, кинжал в потресканных ножнах, опухшее, но всё еще розовое лицо, растрепанные, но всё еще густые волосы... Боже мой! Миша! Он уже начал просить милостыню по большим дорогам! Я невольно вскрикнул. Он узнал меня, дрогнул, отвернулся и хотел было отойти от окна. Я остановил его... но что было ему сказать? Не нравоучение же читать?! Молча протянул я ему пятирублевую ассигнацию, – он так же молча схватил ее своей всё еще белой и пухлой, хоть и дрожавшей и неопрятной ручкой, – и исчез за углом дома. Мне не скоро подали лошадей – и я успел предаться невеселым размышлениям по поводу неожиданной встречи с Мишей; совестно мне стало, что я его так безучастно отпустил. Наконец я отправился дальше и, отъехав с полверсты от станции, заме-

² «Сударь... сударь... сжальтесь над бедным, разорившимся дворянином...» (франц.).

тил впереди на дороге толпу людей, подвигавшуюся странной, словно размеренной поступью. Я нагнал эту толпу – и что же я увидел? Человек двенадцать нищих, с сумами через плечо, шли по два в ряд, подпевая и подскакивая, а впереди их отплясывал Миша, топая в лад ногами и приговаривая: «Нáчики-чикалды, чух-чух-чух! Нáчики-чикалды, чух-чух-чух!» Как только моя коляска поравнялась с ним и он увидал меня, – он тотчас закричал: «Ура! Стой-равняйся! во фронт, гвардия придорожная!» Нищие подхватили его крик и остановились – а он, с обычным своим хохотом, вскочил на подножку коляски и опять гаркнул: «Ура!» – «Это что же такое?» – спросил я с невольным изумлением. «Это? – Это моя команда, армия моя – все нищенки, божьи люди, друзья-приятели! Каждый из них, по вашей милости, чарочку пропустил – и вот теперь мы все радуемся и веселимся!.. Дяденька! Ведь только с нищими, с божьими людьми, и можно жить на свете... ей-богу!» Я ничего ему не ответил... но он мне в этот раз показался таким добряком, лицо его выражало такое детское простодушие... Меня вдруг что-то как будто и озарило, и в сердце кольнуло... «Садись ко мне в коляску», – сказал я ему. Он изумился... «Как? в коляску?» – «Садись, садись, – повторил я, – я хочу сделать тебе предложение. Садись!.. Поедем со мной». – «Ну, как прикажете». Он сел. «Ну, а вы, друзья любезные, товарищи почтенные, – прибавил он, обращаясь к нищим, – прощайте! до свиданья!» – Миша снял папаху и поклонился низко. Нищие все словно

опешили... Я велел кучеру погнать лошадей, и коляска покати́лась.

Вот что я хотел предложить Мише: мне вдруг пришла мысль взять его ко мне, в деревенский мой дом, отстоявший верст тридцать от той станции, – спасти его, или по крайней мере попытаться спасти его. «Слушай, Миша, – сказал я, – хочешь ты поселиться у меня?.. Будешь ты жить на всем готовом, платье тебе сошьют, белье, экипируют тебя как следует, и деньги тебе будут выдаваться на табак и на прочее, под одним только условием: не пить вина!.. Согласен ты?» Миша даже испугался от радости; вытаращил глаза, побагровел и вдруг, припав к моему плечу, начал целовать меня и повторять прерывистым голосом: «Дяденька... благодетель... дай вам бог!..» Он расплакался наконец и, сняв папаху, принялся утирать ею глаза, нос и губы. «Смотри же, – заметил я ему, – помни условие: вина не пить!» – «Да будь оно проклято! – воскликнул он, взмахнув обеими руками – и, вследствие этого порывистого движенья, еще сильнее обдал меня тем спиртным запахом, которым он весь был пропитан... – Ведь, дяденька, если б вы знали жизнь мою... Ведь если бы не горе, не судьба жестокая... Зато теперь, клянусь, клянусь, я исправлюсь, я докажу... Дяденька, я никогда не лгал – спросите хоть кого... Я честный, но я несчастный человек, дяденька; ласки ни от кого не видел...»

Тут он окончательно разрыдался. Я постарался его успокоить и успел в том, потому что когда мы подъехали к моему

дому, Миша уже давно спал мертвым сном, уронив голову ко мне на колени.

VII

Ему тотчас определили особую комнату и тотчас же, первым делом, свели в баню, что было совершенно необходимо. Всю его одежду – и кинжал, и папаху, и дырявые сапоги бережно сложили в чулан, надели на него чистое белье, туфли и кой-какое мое платье, которое, как это всегда бывает с бедняками, как раз пришлось по его сложению и росту. Когда он пришел к столу, вымытый, опрятный, свежий, – он казался до того умиленным и счастливым, он весь сиял такою радостной благодарностью, что и я почувствовал умиление и радость... Его лицо совсем преобразилось... У двенадцатилетних мальчиков бывают такие лица в светлое воскресенье, после причастья, когда они, густо на помаженные, в новых курточках и накрахмаленных воротничках, идут христосоваться с своими родителями. Миша то и дело осторожно и недоверчиво ощупывал себя и всё повторял: «Что это?.. Не на небесах ли я?» А на другой день объявил, что спать всю ночь не мог от восхищения! У меня в доме жила тогда старушка тетка с своей племянницей; обе они чрезвычайно смутились, когда узнали о прибытии Миши; они не понимали, как я мог пригласить его к себе в дом! Очень уже худая шла о нем слава. Но, во-первых, я знал, что он всегда был очень вежлив с дамами; а во-вторых, я надеялся на его обещание исправиться. И действительно: в первые два дня сво-

его пребывания под моим кровом Миша не только оправдал мои ожидания, но превзошел их, а дам моих он просто очаровал. Со старушкой он играл в пикет,^[13] помогал ей разматывать гарус, показал ей два новых пасьянса; племяннице, у которой был небольшой голосок, он аккомпанировал на фортепьяно, читал ей русские, французские стихи; рассказывал обеим дамам веселые, но приличные анекдоты; словом, услуживал им всячески, так что они неоднократно выражали мне свое удивление, а старушка даже заметила, что вот как люди бывают иногда несправедливы... Чего-чего о нем не говорили... а он такой смирный да вежливый... бедный Миша! Правда, за столом «бедный Миша» как-то особенно торопливо облизывался всякий раз, как только взглядывал на бутылку. Но стоило мне погрозить пальцем, и он поднимал глаза кверху и прижимал руку к сердцу... «Я, мол, клялся!.. Я теперь переродился!» – уверял он меня. «Что ж, дай бог!» – думалось мне... Однако это перерождение продолжалось недолго.

Первые два дня он был очень разговорчив и весел. Но уже начиная с третьего дня он как-то затих, хотя по-прежнему держался возле дам и занимал их. Не то грустное, не то задумчивое выражение стало пробегать по его лицу, да и самое лицо побледнело и будто похужело. «Тебе нездоровится?» – спросил я его. «Да, – ответил он, – голова немного болит». На четвертый день он уже совсем умолк; всё больше сидел в уголку, сиротливо склонив голову и своим унылым видом

возбуждая чувство жалости в обеих дамах, которые теперь в свою очередь старались занимать его. За столом он ничего не ел; глядел в тарелку и катал шарики. На пятый день чувство жалости в дамах стало сменяться другим: недоверчивостью и даже страхом. Миша одичал, сторонился от людей и всё ходил вдоль стен, как бы крадучись и внезапно озираясь, точно кто его звал. И куда девался розовый цвет его лица? Оно словно землю перекрылось. «Тебе всё нездоровится?» – спросил я его. «Нет, я здоров», – ответил он отрывисто. «Скучно тебе?» – «С чего скучать!» А сам отворачивается и в глаза не глядит. «Иль опять затосковал?» На это он ничего не ответил. Так прошли еще сутки. На следующий день тетка прибежала ко мне в кабинет в большом волнении и объявила, что выедет с племянницей из моего дома, если Миша должен в нем остаться. «Отчего так?» – «Да уж очень нам жутко с ним. Не человек, волк, как есть волк. Ходит, ходит, молчит – да смотрит так дико... Только что зубами не лякает. Катя, ты знаешь, у меня такая нервическая... Она же в первый день очень им заинтересовалась... Мне за нее страшно, да и за себя...» Я не знал, что отвечать тетке... Не мог я, однако, выгнать Мишу, которого я же пригласил.

Он сам вывел меня из затруднительного положения.

В тот же день, – я еще не выходил из кабинета, – вдруг слышу за собою глухой и злобный голос: «Николай Николаич, а Николай Николаич!» Я оглянулся: у двери стоит Миша, с страшным, потемневшим, искаженным лицом. «Николай

Николаич!..» – повторил он (уже не «дяденька»). «Чего тебе?» – «Отпустите меня... сейчас!» – «Что?» – «Отпустите меня, а то я бед наделаю, дом подожгу или кого зарежу. – Миша вдруг затрясся. – Велите мне мою одёжу возвратить, да телегу дайте до шоссе довести, и денег какую ни на есть малость дайте!» – «Да разве ты чем недоволен?» – начал было я. «Не могу я так жить! – закричал он во всю голову. – Не могу я жить в вашем барском треклятом доме! Мне гадко, мне совестно так спокойно жить!.. Как это только *вы* выносите!» – «То есть, – перебил я в свою очередь, – ты хочешь сказать – без вина жить ты не можешь...» – «Ну да! ну да! – закричал он опять, – только отпустите вы меня к моим братьям, к моим друзьям, к нищим!.. Прочь от вашей дворянской, приличной, противной породы!» Я хотел было напомнить ему об его клятвенных обещаниях... но иступленное выражение Мишина лица, его сорвавшийся голос, судорожный трепет всех его членов – всё это было так ужасно, что я поспешил отделаться от него; объявил ему, что ему сейчас выдадут его платье, заложат ему телегу, и, вынув из ящика двадцатипятирублевую бумажку, положил ее на стол. Миша начинал уже с угрозой наступать на меня – но тут вдруг уперся, лицо его мгновенно перекосилось, вспыхнуло, он ударил себя в грудь, слезы брызнули из глаз и, пробормотав: «Дяденька! ангел! ведь я погибший человек – спасибо! спасибо!» – он схватил ассигнацию и выбежал вон.

Час спустя он уже сидел в телеге, снова одетый черкесом,

снова розовый и веселый, и когда лошади тронулись с места, он гикнул, сорвал папаху с головы и, размахивая ею над головою, отвешивал поклон за поклоном.

Перед самым отъездом он долго и крепко обнимал меня и лепетал: «Благодетель, благодетель... спасти меня нельзя!» Он даже к дамам сбегал и ручки у них перецеловал, на колени становился, взывал к богу и прощенья просил! Катюя потом застал в слезах.

А кучер, с которым отправился Миша, вернувшись, доложил мне, что довез его до первого кабака на шоссе – и что там «они и застряли», стали угощать всех без разбору и скоро пришли в бесчувствие.

С тех пор я уже не встречался с Мишей, но окончательную судьбу его я узнал следующим образом.

VIII

Года три спустя я опять находился у себя в деревне; вдруг входит человек и докладывает, что меня спрашивает госпожа Полтева. Я никакой госпожи Полтевой не знал, да и человек, докладывавший мне, почему-то саркастически улыбался. На вопросительный мой взгляд он отвечал, что барыня меня спрашивает молодая, бедно одетая, и что приехала она в крестьянской телеге в одну лошадь и сама правила! Я велел попросить госпожу Полтеву пожаловать ко мне в кабинет.

Я увидел женщину лет двадцати пяти, в одежде мещанки, с большим платком на голове. Лицо простое, кругловатое, не лишенное приятности; взгляд понурый и немного печальный, движения застенчивые.

– Вы госпожа Полтева? – спросил я – и попросил ее сесть.

– Точно так-с, – отвечала она тихим голосом и не садясь. –

Я вдова вашего племянника Михаила Андреевича Полтева.

– Михаил Андреевич скончался? Давно ли? Да сядьте,

прошу вас.

Она опустилась на стул.

– Второй месяц пошел.

– И давно вы за него замуж вышли?

– Я с ним всего год пожила.

– Вы теперь откуда?

– Я из-под Тулы... Село там есть Знаменское-Глушково –

может быть, извольте знать. Я тамошнего дьячка дочь. Мы с Михаилом Андреевичем там и жили... Он у моего батюшки поселился. Всего год мы с ним пожили.

У молодой женщины слегка задергались губы – и она поднесла к ним руку. Казалось, она собиралась заплакать... однако одолела себя, откашлянулась.

– Мне Михаил Андреевич покойный, – продолжала она, – перед смертью наказал к вам съездить; беспременно, говорит, съезди! И сказал он мне, чтобы я поблагодарила вас за всю вашу доброту и чтобы передала вам... вот эту... эту самую вещицу (она достала из кармана небольшой сверток), которую он всегда при себе имел... И Михаил Андреевич сказал – если вам угодно будет принять это на память, – так чтобы вы не побрезговали... Другим, говорит, я ничем отдарить их... то есть вас... не могу...

В сверточке находилась небольшая серебряная чашечка с вензелем Мишиной матери. Эту чашечку я часто видал в Мишиных руках – и раз он даже сказал мне, говоря про одного бедняка, что, стало быть, он гол, коли у него ни чашечки, ни плошечки, – а у меня вот хоть эта есть!

Я поблагодарил, взял чашечку и спросил: какой болезнью умер Миша? – Вероятно...

Тут я прикусил язык... но молодая женщина поняла мою недомолвку... Она быстро взглянула на меня, потом потупилась, печально улыбнулась и тотчас же промолвила:

– Ах нет! это уж он совсем бросил, с тех пор как со мной

спознался... Только здоровье его было какое?!. Потерянное совсем. Как бросил пить, так сейчас болезнь его и обнаружилась. Такой он стал степенный; всё отцу подсоблять хотел, по хозяйству, аль в огороде... или какая другая случалась работа... даром, что дворянского был роду. Только где сил взять?.. Тоже по письменной части хотел было заняться – часть эту, вам известно, он знал прекрасно;^[14] но руки у него тряслись – и перо держать он не мог как следует... Всё себя упрекал: белоручка, мол, я, никому добра не делал, не помогал, не трудился! Убивался он очень об этом о самом... Говорил, что народ, мол, наш трудится – а мы что?.. Ах, Николай Николаич, хороший он был человек – и меня любил... и я... Ах, извините...

Тут молодая женщина впрямь заплакала. Хотелось бы мне ее утешить – да не знал я, как.

– Остался ли у вас ребеночек? – спросил я наконец.

Она вздохнула.

– Нет, не остался... Да где уж тут! – И слезы полились еще сильнее.

– Так вот чем разрешились Мишины скитанья по мытарствам, – завершил старик П. свой рассказ. – Вы, господа, конечно, согласитесь со мною, что я имел право назвать его отчаянным; но, вероятно, согласитесь также и в том, что он не походил на нынешних отчаянных, хотя, полагать надо, иной философ и нашел бы родственные черты между ним и

ими. И там и тут жажда самоистребления, тоска, неудовлетворенность... А с чего это всё берется, предоставляю судить – именно философу.

Примечания

Источники текста

«Отчаянный (втор<ой> очерк)» – первоначальный конспект рассказа. 3 с. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat, Slave 77*; описание см.: *Mazon*, р. 92–93; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 342.

«Отчаянный. Из воспоминаний – своих и чужих». Наборная рукопись (автограф). 39 с. Хранится в рукописном отделе *ИРЛИ*, ф. 293, архив М. М. Стасюлевича, оп. 3, № 134; описание см.: *ПД, Описание*, с. 17, № 45. Подпись: Ив. Тургенев. Буживаль, ноябрь, 1881.

«Отчаянный. Из воспоминаний – своих и чужих». Корредаурные гранки *ВЕ* с правкой Тургенева. 10 полос. Хранятся в рукописном отделе *ИРЛИ*, ф. 293, архив М. М. Стасюлевича, оп. 3, № 134; описание см.: *ПД, Описание*, с. 17, № 46. Подпись: Ив. Тургенев. Буживаль, ноябрь 1881.

ВЕ – 1882, № 1, с. 37–56.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1882, № 1, с подписью и пометой: Ив. Тургенев. Буживаль, ноябрь 1881.

Печатается по тексту *ВЕ*, с устранением явных опечаток, не замеченных Тургеневым, а также со следующими исправлениями по другим источникам:

Стр. 30, строки 40–41: «невозможно знать» вместо «невозможно узнать» (по наборной рукописи).

Стр. 31, строка 37: «то и решился я» вместо «то я решился» (по наборной рукописи).

Стр. 32, строка 19: «скоро опять» вместо «скоро» (по наборной рукописи).

Стр. 32, строки 33–34: «Он отправлялся на Кавказ» вместо «Он отправился на Кавказ» (по наборной рукописи).

Стр. 35, строка 16: «саженей десять глубины» вместо «сажень десять глубины» (по наборной рукописи).

Стр. 35, строки 41–42: «довольно неправдоподобна» вместо «неправдоподобна» (по корректуре *BE*).

Стр. 35, строка 44: «и руки» вместо «и рука» (по наборной рукописи).

Стр. 36, строка 25: «отъявился» вместо «явился» (по наборной рукописи).

Стр. 38, строка 8: «смотрел» вместо «посмотрел» (по наборной рукописи и корректуре *BE*).

Стр. 40, строки 13–14: «...чух-чух-чух! Начики-чикалды, чух-чух-чух!» вместо «...чук-чук-чук! Начики-чикалды, чук-чук-чук!» (по наборной рукописи и корректуре *BE*).

Стр. 41, строка 12: «не горе, не судьба жестокая» вместо «не горе, судьба жестокая» (по наборной рукописи).

По-видимому, первое упоминание о работе над рассказом содержится в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 14 (26) октября 1881 г., где сообщалось: «Тружусь над „Отча-

янным“ – и надеюсь выслать его через неделю для помещения в „Порядке“». Об окончании рассказа Тургенев писал Я. П. Полонскому 8 (20) ноября 1881 г., указывая, что это «этюдец вроде „Старых портретов“». В обоих письмах речь идет о черновом автографе, нам не известном. Но еще до начала работы над ним Тургенев составил конспект рассказа. Этот конспект с отдельными набросками к нему содержит сравнительно небольшое количество зачеркнутых слов и вообще авторской правки. Некоторые фразы и отдельные слова написаны на полях. В конце л. 2 нарисован мужской профиль (по-видимому, автопортрет) и несколько раз воспроизведена подпись писателя (в том числе однажды по-немецки). Конспект не датирован Тургеневым, но из письма к Стасюлевичу от 14 (26) октября известно, что в это время Тургенев уже писал свой рассказ (черновой автограф). А работа над конспектом и отдельными набросками к нему должна была предшествовать написанию рассказа. Это подтверждается, в частности, и тем, что некоторые детали и эпизоды, намеченные в конспекте, не вошли в окончательный текст рассказа. Так, например, в конспекте упоминалось о том, что у Миши Полтева были старший брат и сестра, о которых ничего не говорится в рассказе. Нет в рассказе и намеченного в конспекте эпизода со скачкой Миши на бешеной лошади и др. Учитывая все это, можно предположить, что конспект составлялся в первой половине октября ст. ст. 1881 г.

В отличие от окончательного текста рассказа в конспек-

те герой назван «Михаил Алек. Т.», что легко расшифровывается как «Михаил Алек<сеевич> Т<ургенев>», поскольку писатель не скрывал, что прототипом Миши Полтева был этот его двоюродный брат (об этом подробнее см. ниже, с. 406). В конспекте сказано также о том, что Миша Полтев «влюблялся и в него влюблялись», что он для женщин «готов на всякие отчаянности». В противоположность этому в тексте рассказа подчеркнуто, что хотя Миша «умел возбуждать» в женщинах «сожаление», он не был «Ловласом» и унаследовал от своих родителей «холодную кровь». Наиболее существенным отклонением окончательного текста рассказа от его конспекта является следующее. В рассказе содержатся некоторые намеки на интерес Миши к социальным проблемам, – см., например, его реплики в адрес афериста (гл. V) или размышления «о бедности, о несправедливости, о России» (гл. IV); последним в конспекте соответствуют слова: «Тоска бедности, несправедливость, Россия... Что тебе за дело до России? – А без *этого* нельзя». Но конспект в другом месте характеризует того же Мишу Полтева многозначительными словами: «...самоистребление, но без содержания и идеала, а был бы идеал – герой и мученик». Таким образом, в конспекте более определенно было подчеркнуто, что «отчаянные» типа и времени Миши Полтева действительно «не походили» на «нынешних отчаянных», т. е. представителей народофильской молодежи, как это и утверждал в самом начале главы 1 рассказчик – старик П. В целом же сопо-

ставление конспекта с окончательным текстом рассказа позволяет сделать вывод, что уже в конспекте в основном были намечены и сюжет рассказа, и характер главного героя.

В письме к Стасюлевичу от 23 ноября (5 декабря) 1881 г. Тургенев сообщал, что он заканчивает переписку «Отчаянного» и к 1 (13) декабря 1881 г. рассказ «прибудет» в Петербург. «Поместить его конечно, лучше в „Вестнике Европы“, – писал Тургенев далее – и просил: <...> к заглавию все-таки следует прибавить: „Из воспоминаний своих и чужих“». Переписывая рукопись для набора, Тургенев в то же время и правил ее, то вписывая над строками отдельные слова и фразы, то зачеркивая их, иногда вставляя вместо них другие. Реже он вписывал на полях наборной рукописи отдельные слова и фразы, вносящие в текст какие-то разъяснения или дополнения. Так, против текста: «А затем ~ не желаю» (с. 38) Тургенев вписал: «Аферист даже [руки] руками развел» (этим подчеркнуто его удивление словами Миши Полтева, который, копая на кладбище ямку, объявил «аферисту», что не желает больше жить). Ниже вписана еще одна фраза, мысленно обращенная героем в адрес «афериста»: «На, мол, тебе, землеед!» Этот человек, ограбивший не только Мишу Полтева, но и своих крестьян, очевидно, чем-то напомнил Тургеневу помещика из его же собственного незавершенного рассказа «Землеед», с которым расправились крепостные, «заставив его скушать фунтов 8 отличнейшего чернозема» (см. наст. изд., т. 3, с. 389).

Предварительно, как это бывало всегда, Тургенев 28 ноября (10 декабря) 1881 г. отправил рукопись на отзыв Анненкову. А в письме к Стасюлевичу от 2 (14) декабря 1881 г. он уже сообщал: «Анненков остался очень доволен „Отчаянным“». Действительно, 30 ноября (12 декабря) 1881 г. Анненков писал Тургеневу, что тот создал «прелестнейшую вещь», в которой «ни одного знака препинания переставить нельзя – так целостно она сколочена...», и предсказывал рассказу «мгновенный и колоссальный успех» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 13, л. 53). Он сделал лишь одно замечание – о неправдоподобности эпизода с пребыванием пьяного М. Полтева в ручье, замерзшем за ночь. В наборную рукопись Тургенев, однако, не успел внести исправление по этому замечанию Анненкова, так как спешил отправить ее Стасюлевичу (см. ниже).

8 (20) декабря 1881 г. Тургенев уже получил гранки набора рассказа для «Вестника Европы» (см. его письмо к Стасюлевичу от 9 (21) декабря 1881 г.). На первой полосе гранок отмечено: «Корректурa автора». Авторская правка в основном выразилась здесь в исправлении опечаток. Но кое-где писатель внес дополнения и поправки, разъясняющие или уточняющие смысл. На десятой полосе о вдове Миши Полтева сказано, что она была «в одежде дворовой женщины». Между тем далее оказывалось, что она дочь дьячка и, следовательно, не могла быть так одета. Тургенев произвел в этой фразе необходимое исправление: заменил слова «дворовой

женщины» словом «мещанки» (см. с. 44), т. е. городской женщины. На поле пятой полосы был вписан новый текст, а именно: «(правда, *эта* легенда довольно неправдоподобна, но по ней можно судить, на что считали Мишу способным)... Итак: раз на Кавказе» (с. 35). Тургенев сделал это в ответ на замечание Анненкова в его письме от 30 ноября (12 декабря) 1881 г. Критику показался невероятным эпизод в главе IV, где говорится, что вокруг пьяного Миши Полтева, свалившегося в ручей «нижнюю частью туловища», в течение ночи (дело происходило зимой) намерзла ледяная кора. По поводу этого места рассказа Анненков писал: «...пребывание его (Миши) в реке со льдом, который за ночь образовался вокруг его ног и туловища, показалось мне несколько *деланным и изобретенным*» (ИРЛИ, ф. 7, № 13, л. 53 об.). В ответ Тургенев писал Анненкову 1 (13) декабря 1881 г.: «Легенда о намерзшем льде не мною выдумана; но Вы правы – надо либо ее выключить, либо оговориться об ее неправдоподобии». И действительно, 9 (21) декабря 1881 г. Тургенев писал Стасюевичу: «Вчера вечером прибыли корректурные листы – а сегодня утром отправляются к Вам, *тщательно исправленные* — и с маленькой необходимой прибавкой на втором листе. Поручаю Вашему благосклонному вниманию такие опечатки, как, напр<имер>: *дурного* предмета – вместо: другого, *полтавские* цыгане – вместо: полтевские и т. д.» Говоря здесь о «необходимой» прибавке к тексту рассказа, Тургенев, несомненно, имел в виду добавление, сделанное им по-

сле замечания Анненкова, что подтверждается и более ранним письмом его к Стасюлевичу (от 2 (14) декабря 1881 г.). В нем писатель прямо указывал, что в «Отчаянном» «есть один параграф, который следует, по замечанию Анненкова, либо оговорить, либо исключить вовсе». В публикации *ВЕ* это было учтено – в текст рассказа вставлена фраза, написанная Тургеневым в корректурных гранках *ВЕ*.

В письме к Тургеневу от 30 ноября (12 декабря) 1881 г. Анненков, между прочим, указывал: «Я почти догадываюсь об оригинале, с которого Вы списали этот тип», и далее подчеркивал типичность героя рассказа в следующих словах: «Я его видел, да думаю, что у нас на всем пространстве империи каждый его видел – на свой век в том или другом образе. Он всеобщий племянник – от этого, думаю, он и будет принят у нас с восторгом всеми нашими дядями. Любопытно мне особенно, как-то отнесутся за границей к нему – поймут ли там этот изумительно русский тип и какое выведут из него заключение?» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 13, лл. 53–54). «Вы угадали, – отвечал Тургенев Анненкову 1 (13) декабря 1881 г., – оригинал, с которого я списал его, был мой племянник Миша Тургенев. Я и имя Миши ему оставил». Писатель выражал надежду, что тип героя, который оказался «ясным» для Анненкова, будет понят в России. Что же касается других стран, то Тургенев опасался, что там «увидят в нем одно безобразие и варварство». Прототипом Миши Полтева был двоюродный брат И. С. Тургенева – Михаил Алексеевич

Тургенев^[16], сын Алексея Николаевича Тургенева, родного брата отца писателя (см.: *Боткин и Т.*, с. 288, 343). С. Г<уревич> в «Воспоминаниях о И. С. Тургеневе» также приводит его слова о том, что «тип „Отчаянного“ взят почти целиком с натуры»; «„это мой племянник, и он в своей жизни проделал почти всё, что я описал“, – говорил Тургенев. По его мнению, этот тип „человека дворянской среды, внутренне неудовлетворенного...“ – и есть начало всех дальнейших наших бед...» (Заря, 1883, № 207, 25 сентября).

Упоминания о М. А. Тургеневе, которому писатель постоянно принужден был помогать материально, встречаются в ряде писем Тургенева, относящихся к 1869 г. (см.: *Т, ПСС и П, Письма*, т. VII, с. 264–265, и т. VIII, с. 70, 95, 140). Но еще 30 сентября (12 октября) 1860 г. Тургенев благодарил Анненкова за помощь тому же «беспутному двоюродному братцу» и добавлял такую его характеристику: «Этот сумасшедший брандахлыст, прозванный у нас в губернии Шамилем, прожил в одно мгновение очень порядочное имение, был монахом, цыганом, армейским офицером, – а теперь, кажется, посвятил себя ремеслу пьяницы и попрошайки. Я написал дяде, чтобы он призрел этого беспутного шута в Спасском». Так за 20 лет до создания рассказа «Отчаянный» Тургенев как бы наметил план этого произведения и дал очерк прототипа его героя^[17].

Писатель с нетерпением ждал отзывов об «Отчаянном» со стороны друзей и знакомых. Так, Ж. А. Полонской он пи-

сал 20 декабря 1881 г. (1 января 1882 г.): «Анненков остался им <рассказом> очень доволен – по слухам тоже Кавелин ... Не знаю, что скажут прочие...» По-видимому, какое-то замечание о рассказе было сделано Я. П. Полонским; отвечая ему, Тургенев писал 28 января (9 февраля) 1882 г.: «Насчет эпитета „зверский“, который поразил тебя в „Отчаянном“, скажу, что тут нет противоречия (впрочем, на деле было так). Он <Миша Тургенев> был добряк – а в крови его было нечто дикое и животное, скорей *звериное*, чем зверское. Логика противоречий!» Речь идет здесь о главе II рассказа, где дано описание внешности героя.

Придавая особое значение типу Миши Полтева, Тургенев объяснял Ж. А. Полонской в письме к ней от 4 (16) января 1882 г.: «Я постарался вывести <...> тип, который нахожу знаменательным в соотношении с некоторыми современными явлениями». То же самое писал Тургенев и Полонскому 8 (20) января 1882 г. О том, какое именно соотношение героя «Отчаянного» с «современными явлениями» усматривал в своем рассказе автор, говорится в воспоминаниях Н. М. «Черты из парижской жизни И. С. Тургенева», где приведены слова писателя: «Мне приписывают враждебное намерение унизить современную протестующую молодежь, связав ее генетически с моим „Отчаянным“, – говорил однажды Иван Сергеевич <...> – Я просто нарисовал припомнившийся мне из прошлого тип. Чем же я виноват, что генетическая связь сама собой бросается в глаза, что мой „Отчаян-

ный“ и нынешние – два родственные типа, только при различных общественных условиях: та же бесшабашность, та же непоседливость и бесхарактерность и неопределенность желаний...» Н. М. рассказывает далее, что присутствующие оспаривали мнение Тургенева, считая, что герой «Отчаянного» «просто недоросль из дворян времен крепостного права – не более» (*Рус Мысль*, 1883, № 11, с. 319). О таком же споре с писателем по поводу героя «Отчаянного» рассказывает и И. Павловский в «Воспоминании об И. С. Тургеневе» (*Русский курьер*, 1884, № 199, 21 июля). М. О. Ашкинази в статье «Тургенев и террористы» передает содержание разговора о своем романе с Тургеневым: «Вот вы выдумали эту сцену, – сказал мне Иван Сергеевич, – а ведь это факт, реальный факт... В начале шестидесятых годов Серно-Соловьевич подал, как герой вашего романа, Александру II записку о бедственном положении крестьян, и в ту же ночь Третье отделение засадило его в крепость... Как же после этого молодежи не прийти в отчаяние!..» По утверждению Ашкинази, Тургенев «особенно настаивал на *отчаянии* нигилистов. Может быть, он в это время уже задумывал свой рассказ „Отчаянный“?» (*Революционеры-семидесятники*, с. 196–197). См. также: Лавров П. Л. И. С. Тургенев и русское общество (там же, с. 68–69).

Тургенев неоднократно выступал в Париже с чтением «Отчаянного». Вспоминая об одном таком чтении, происходившем на квартире у писателя, В. В. Верещагин пишет:

«Этот же самый рассказ я слышал из уст И. С. и он произвел на меня несравненно большее впечатление, чем в чтении. Я знал, что Тургенев хорошо рассказывает, но в последнее время он был всегда утомлен и начинал говорить как-то вяло, неохотно, только понемногу входя в роль, оживляясь. В данном случае, когда он дошел до того момента, где Мишка ведет плясовую целой компании нищих, И. С. встал с кресла, развел руками и начал выплясывать трепака, да ведь как выплясывать! <...> Я просто любовался им и не утерпел, захлопал в ладоши, закричал: „Браво браво, браво!“ И он, по видимому, не утомился после этого, по крайней мере, пока я сидел у него, продолжал оживленно разговаривать...» (Верещагин В. В. Очерки, наброски, воспоминания, с. 132).

О другом чтении «Отчаянного» А. П. Боголюбов 2 (14) января 1882 г. сообщал А. Н. Пыпину: «...вчера был дан музыкально-литературный вечер в О-ве русских художников, Rue Tilsit, 18, в доме б<арона> Г. О. Гинцбурга, с участием m-me Viardot <...> А Иван Сергеевич Тургенев прочел два стихотворения – „Пророков“ Лермонтова и Пушкина – и свой только что ныне появляющийся рассказ <...> „Отчаянный“. Конечно, как m-me Viardot, так и Ив<ан> Серг<еевич> вызвали долгий и восторженный взрыв рукоплесканий. Вечер удался вполне»^[18]. Именно по поводу этого вечера запрашивал Тургенева Анненков в письме от 12 (24) января 1882 г.: «Вы, слышно, читали в парижском художественном клубе „Бешеного“. Ну, как понравился? <...> Напи-

шите» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 13, л. 55 об. – 56). Отвечая Анненкову лишь через месяц, 13 (25) февраля 1882 г., Тургенев писал: «Читал я своего „Отчаянного“ (не „Бешеного“) в нашем кружке с успехом <...> В России критика отнеслась к „Отчаянному“ неблагоприятно; а здешние „иллегальные“ обиделись. Повторилась в малом виде история Базарова».

Тургенев был не совсем точен, говоря о неблагоприятном отношении к «Отчаянному» русской критики. В действительности дело обстояло несколько иначе. С художественной стороны рассказ в большинстве отзывов был оценен положительно. Так, например, Арс. И. Введенский писал, что «Отчаянный» «производит впечатление в высшей степени целостное и живое» (*Порядок*, 1882, № 1, 1 (13) января). Анонимный рецензент «Голоса» в «Литературной летописи» отмечал, что «портрет» Миши Полтева «принадлежит к числу наиболее удачных из тех, какие выходили из-под пера Тургенева. Он совсем живой; забыть его, раз на него взглянув, невозможно. Вообще вся серия рассказов, названная автором „Из воспоминаний своих и чужих“, из которой в прошлом году появился уже рассказ „Старички“^[19], обещает быть собранием законченных очерков» (*Голос*, 1882, № 2, 7 (19) января). «Мастерство художника, превосходный язык, рельефность рисовки выразились и тут так же ярко, как в произведениях лучшей поры художественной деятельности г. Тургенева». – писал об «Отчаянном» и В-в в «Критических очерках» (*Неделя*, 1882, № 3, 17 января). Как «крупное

литературное явление» аттестовал произведение Тургенева рецензент «Одесского листка» (1882, № 4, 6 (18) января). И даже В. П. Буренин указывал, что «Отчаянный» «написан с тем образцовым изяществом и тою выразительною простотою, какие читатели привыкли находить у автора „Отцов и детей“» (Новое время, 1882, № 2106, 8 (20) января).

Однако многие из критиков выступили против сближения героя с современной молодежью, которое они усмотрели в рассказе Тургенева. «„Отчаянность“ Миши Полтева – явление темперамента, а явление позднейшего „отчаяния“ никак нельзя объяснять полтевскою „жаждою самоистребления“», – писал, например, рецензент «Голоса»; по его мнению, «слова о России вложены в уста Полтеву совершенно искусственно, едва ли не для придания рассказу большего интереса...» (Голос, 1882, № 2, 7 (19) января).

Против стремления Тургенева «объяснить некоторые явления нашей жизни отчаянностью» выступил и Д. Н. Мамин-Сибиряк в неопубликованной статье «Последний рассказ И. С. Тургенева». «Мы, просматривая <...> длинный ряд вышибленных из обыкновенной колеи людей, ничего не видим в них отчаянного, а, наоборот, это люди, как все люди, с той разницей, что это необыкновенно честные натуры, любящие, нежные. Во все времена таких людей легионы, и они проходят совершенно незамеченными, если их не выдвинут на сцену какие-нибудь исключительные обстоятельства. Вот как для романиста, так равно для психолога, социо-

лога и всякого простого смертного и важно выяснить именно этот решающий момент, когда такие люди говорят „не могу“ и превращаются в отчаянных. Для различных натур, темпераментов, условий воспитания, общественного положения этот момент наступает в разное время <...> Но, во всяком случае, самой интересной в этом отношении является такая постановка вопроса, когда в отчаянного человека превращается не какой-нибудь оглашенный или пропойца, а самый заурядный смертный», – писал Мамин-Сибиряк. По его мнению, «вот именно этого-то вопроса и не решено, и новое произведение Тургенева является только неудачной попыткой в этом направлении» (Гос. архив Свердловской области, ф. 136, оп. 1, № 8; см, также: Назарова Л. Н. Тургенев и Д. Н. Мамин-Сибиряк. – *Т сб*, вып. 4, с. 221).

Таким образом, некоторые из современников Тургенева обратили внимание главным образом на то, о чем писатель упомянул лишь вскользь, указывая на некоторое психологическое сходство между неясной тоской и дикими порывами Миши Полтева и настроениями народовольческой молодежи, находившейся в начале 1880-х годов в состоянии тяжелого кризиса.

Критики, подчеркивавшие в «Отчаянном» и ставившие в упрек Тургеневу это мнимое сопоставление, не заметили того, что составляло основной пафос рассказа – глубоко отрицательного отношения писателя к пережиткам крепостнического барства, выродившегося и разложившегося в таких

своих представителях, как Миша Полтев.

При жизни Тургенева рассказ был переведен на многие западноевропейские языки, причем французский и немецкий переводы появились почти одновременно с оригиналом. Еще 28 ноября (10 декабря) 1881 г. Тургенев просил Стасюлевича прислать ему «две корректуры» из «Вестника Европы» «для переводческих целей». Об этом писатель снова напоминал ему же в письмах от 2 (14) и 9 (21) декабря, а 10 (22) и 16 (28) декабря 1881 г. сообщал, что французский перевод «Отчаянного» появится в «Revue politique et littéraire» и немецкий – в «Deutsche Rundschau» после выхода в свет первой книжки «Вестника Европы». Французским переводчиком рассказа был Э. Дюран-Гревиль, которого об этом просил сам Тургенев 16 (28) декабря 1881 г.: «Вот маленький этюд, который служит продолжением „Старых портретов“ <...> Не возьмете ли Вы на себя труд перевести его, как и предыдущий? Там есть несколько трудных мест, но я всегда в вашем распоряжении». Перевод «Отчаянного» появился во втором номере «Revue politique et littéraire» (1882, 14 января).

Во Франции «Отчаянный» имел успех; это известно, в частности, из письма Тургенева к Анненкову от 13 (25) февраля 1882 г., в котором писатель сообщал: «Французским *lettrés* эта вещь понравилась; Тэн меня даже сконфузил своими комплиментами». О том, что «Отчаянный» «произвел эффект» в Париже и что в нем «видят нечто вроде истори-

ческого документа», Тургенев шгсал также Полонскому 28 января (9 февраля) 1882 г.

Немецкий перевод, напечатанный в «Deutsche Rundschau» (1882, Bd. 30, Februar, S. 289–305), был выполнен известным переводчиком произведений Тургенева Л. Кайслером. В 1883 г. в Митаве вышел авторизованный немецкий перевод «Отчаянного» под названием «Poltjew» («Der Verzweifelte») вместе с переводами «Песни торжествующей любви», «Клары Милич» и «Стихотворений в прозе» («Четыре последних произведения», переводчик Э. Юргенс). См. об этом: Dornacher K. Bibliographic der deutschsprachigen Buchausgaben der Werke J. S. Turgenews 1854–1900. – Pädagogische Hochschule «Karl Liebknecht». Potsdam Wissenschaftliche Zeitschrift. Jg. 19 / 1975. H. 2, S. 288.

Английский перевод «Отчаянного» под заглавием «Desperate» был напечатан в «Cosmopolitan», 1888, V, № 4, p. 335–344 (см.: Yachnin R., Stam David H. Turgenev in English. A Checklist of Works by and about him. New York, 1962, p. 26).

Польский перевод под названием «Ze swoich i cudzych wspomień» («Из своих и чужих воспоминаний»), без заглавия «Отчаянный», был напечатан в газете «Nowiny» (1882, № 27, 30–32, 34, 37–39, 41–42), выходившей в Варшаве (см.: Лугаковский В. А. Русские писатели в польской литературе. Вып. 3. Тургенев. СПб., 1913, с. 20).

Чешскому переводчику И. Пенижеку, в ответ на его запрос, Тургенев 9 февраля н. ст. 1882 г. сообщил о своем согласии на перевод «Отчаянного». Однако перевод, сделанный И. Пенижеком, в печати не появился (см.: Гонзик Иржи. О ранних переводах И. С. Тургенева на чешский язык. – *Т сб*, вып. 3, с. 210). Но в том же 1882 г. был опубликован перевод (под заглавием «Zoufalec»), осуществленный П. Дурдиком, известным чешским переводчиком произведений русских писателей. Он был напечатан в № 16 журнала «Světozor» (см.: Пизл Ф. Список чешских переводов, сочинений И. С. Тургенева и статей о нем, изданных на чешском языке – Каталог выставки в память И. С. Тургенева в императорской Академии наук. СПб., 1909, с. 308).

Условные сокращения

Архивохранилища

Bibl Nat – Национальная библиотека (Париж).

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

ГПБ – Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).

ЦГИАЛ – Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

Алексеев – Алексеев М. П. И. С. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе. – В кн.: Труды Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Вып. 1, с. 37–80.

Анненков – Анненков П. В. Литературные воспоминания.

М., 1960.

Анненков и его друзья – П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892.

Антокольский – Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи / Под ред. В. В. Стасова. СПб.; М.: изд. т-ва М. О. Вольф, 1905.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959, т. I–XIII.

Б-ка Чит – «Библиотека для чтения» (журнал).

Богдановы – Богдановы Л. Я., Б. В. Родной край в произведениях И. С. Тургенева. Орел, 1959. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Боткин и Т – В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851–1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academie, 1930.

Вольф, Хроника – Вольф А. И. Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1881 года. СПб., 1877–1884, ч. I–III.

Герцен – Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Наука, 1954–1965.

Гоголь — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. I–XIV.

Гол Мин – «Голос минувшего» (журнал).

Гончаров – Гончаров И. А. Собр. соч. в 8-ми т. М.: Гослитиздат, 1952–1955.

Гончаров и Тургенев – И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома. С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пг.: Academia, 1923.

Гончаров, Необыкновенная история – Гончаров И. А. Необыкновенная история. – В кн.: Сборник Российской публичной библиотеки. Пг., 1924. Т. 2, вып. 1, с. 7–189.

Горбачева, Молодые годы, Т – Горбачева В. Н. Молодые годы Тургенева. (По неизд. материалам). Казань, 1926.

Григорьев — Григорьев Ап. Сочинения. СПб.: Издание Н. Стрхова, 1876. Т. I.

Гроссман, Театр Т — Гроссман Л. П. Театр Тургенева. Пг., 1924.

Грузинский – Грузинский А. Е. И. С. Тургенев. Личность и творчество. М., 1918.

Гутьяр – Гутьяр Н. М. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.

Для легкого чтения – Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. СПб., 1856–1859. Т. I–IX.

Добролюбов — Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. / Под общей редакцией П. И. Лебедева-Полянского. Т. I–VI. М.; Л.: Гослитиздат, 1934–1941 <1945>.

Достоевский – Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Художественные произведения. Т. I–XVII. Л.: Наука, 1972.

Достоевский, Письма – Достоевский Ф. М. Письма, тт. I–IV. / Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ – Academia – Гослитиздат, 1928–1959.

Дружинин – Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. VII.

Житова – Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961.

Звенья – Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XX вв. / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского и др., т. I–VI, Academia; т. VIII–IX, Госкультпросветиздат. М.; Л., 1932–1951.

ЗО 1852 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. М., 1852. Ч. I–II.

ЗО 1859 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. 2-е изд. СПб., 1859, Ч. I–II.

ЗО 1860 – Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского, 1860. Т. I.

ЗО 1865 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865, Т. I.

ЗО 1869 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1869. Ч. I.

ЗО 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1874). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. I.

ЗО 1880 – И. С. Тургенев. Записки охотника. Полное собрание очерков и рассказов. 1847–1876. 1-е стереот. изд. СПб., 1880.

ИВ – «Исторический вестник» (журнал).

Иванов — Проф. Иванов Ив. Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Личность. Творчество. Нежин, 1914.

Истомин — Истомин К. К. «Старая манера» Тургенева (1834–1855 гг.) СПб., 1913.

Киреевский – Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., <1917>. Вып. II, ч. 1; М., 1929, Вып. II, ч. 2.

Клеман – Клеман М. К. И. С. Тургенев – переводчик Флобера. – В кн.: Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1934. Т. 5.

Клеман, Летопись – Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева / Под. ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: Academia, 1934.

Клеман, Программы – Клеман М. К. Программы «Записок охотника». – Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1941, т. 76, серия филол. наук, вып. 11, с. 88–126.

Корнилов. Годы странствий – Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.; М., 1925.

Куприевич – Куприевич А. А. «Стихотворения в прозе» Тургенева и «Диалоги» Леопарди. – В кн.: *Minerva*. Сборник, изданный при историко-филологической семинарии Высших женских курсов в Киеве. Киев, 1913. Вып. 1.

Лит Арх – Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Ин-т рус. лит. – Пушкинский Дом. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1953. Т. 1–4.

Лит Музеум – Литературный Музеум (Цензурные мате-

риалы 1-го отд. IV секции Государственного архивного фонда). Под редакцией А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., 1919.

Лит Мысль – Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922, Л., 1925. Т. I–III.

Лит Насл – Литературное наследство. М.: Наука, 1931–1977. Т. 1–86.

Лит учеба – «Литературная учеба» (журнал).

Лит-библиол сб – Литературно-библиологический сборник / Под ред. Л. К. Ильинского. Пг., 1918. (Труды Комис. Рус. библиол. об-ва по описанию журналов XIX в.; Вып. 1).

Львов-Прач – Собрание народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оным второй части. СПб., 1806.

Мазон – Мазон А. Парижские рукописи И. С. Тургенева. Перевод с французского Ю. Ган под редакцией Б. Томашевского. М.; Л.: Academia, 1931.

Моск Вед – «Московские ведомости» (газета).

Моск Вестн – «Московский вестник» (журнал).

Москв – «Москвитянин» (журнал).

Н Мир – «Новый мир» (журнал).

Назарова – Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853). – Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 162–167.

Некрасов — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем/Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. М., 1948–1953. Т. I–XII.

Никитенко – Никитенко А. В. Дневник в 3-х т. Л.: Гослитиздат, 1955–1956.

Оксман, Сб, 1959 – Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959.

Орл сб, 1955 – «Записки охотника» И. С. Тургенева. Сборник статей и материалов. Орел, 1955. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Орл сб, 1960 – И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Статьи и материалы. Орел, 1960. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Отеч Зап – «Отечественные записки» (журнал).

Отчет ИПБ – Отчеты императорской Публичной библиотеки.

ПД, Описание – Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского Дома, вып. IV, И. С. Тургенев. Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Переписка Грота с Плетневым – Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1896. Т. I–III.

Петербургский сборник – «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846.

Писарев – Писарев Д. И. Сочинения: В 4-х т. М.: Гослитиздат, 1955–1956.

Писемский – Писемский А. Ф. Письма. Подготовка текста и комментарии М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936 (Литературный архив).

Письма к Герцену – Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объясн. примеч. М. Драгоманова. Женева, 1892.

Поляк – Поляк Л. М. История повести Тургенева «Клара Милич». – В кн.: Творческая история. Исследования по русской литературе / Под ред. Н. К. Пиксанова. «Никитинские субботники». М., 1927.

Пушкин – Пушкин. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16.

Пыпин, Списки пьес Т — Пыпин Н. А. Списки пьес И. С. Тургенева в собраниях Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского. – О театре. Сборник статей. Л.; М., 1940.

Революционеры-семидесятники – И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л.: Academia, 1930.

Рус арх – «Русский архив» (журнал).

Рус беседа – «Русская беседа» (журнал).

Рус Бог-во – «Русское богатство» (журнал).

Рус Вед – «Русские ведомости» (газета).

Рус Мысль – «Русская мысль» (журнал).

Рус Обзор – «Русское обозрение» (журнал).

Рус Обзор – «Русское обозрение» (журнал).

Рус Пропилеи – Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и подготовил к печати М. О. Гершензон. М., 1915–1916. Т. 1–4.

Рус Сл – «Русское слово» (журнал).

Рус Ст – «Русская старина» (журнал).

Рында – Рында И. Ф. Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. СПб., 1903.

Сакулин – Сакулин П. Н. На грани двух культур. И. С. Тургенев. М., 1918.

Салтыков-Щедрин — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. М.: Гослитиздат, 1965–1977.

Сб ГБЛ – «И. С. Тургенев», сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1940 (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Сб ПД 1923 – «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год». Пгр., 1922.

Сев Вестн – «Северный вестник» (журнал).

Сев Обзор – «Северное обозрение» (журнал). *Соболевский* – Великорусские народные песни. СПб., 1896, т. II; СПб., 1897, т. III.

Сев Пчела – «Северная пчела» (газета).

Совр – «Современник» (журнал).

СПб Вед – «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

Станкевич, Переписка – Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / Ред. и изд. Алексея Станкевича. М., 1914.

Стасюлевич – Стасюлевич М. М. и его современники в их

переписке. СПб., 1911–1913. Т. I–V.

Т и его время — Тургенев и его время. Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского. М., 1923.

Т и круг Совр – Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861. М.; Л., 1930.

Т и Савина – Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С предисловием и под редакцией почетного академика А. Ф. Кони при ближайшем сотрудничестве А. Е. Молчанова. Пг., 1918.

Т и театр — Тургенев и театр. М., 1953.

Т сб (Кони) – Тургеневский сборник Под ред. А. Ф. Кони. Пб.: Коопер. изд-во литераторов и ученых. 1921. (Тургеневское общество).

Т сб (Пиксанов) – Тургеневский сборник. Пгр.: «Огни», 1915 (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова).

Т сб, вып. 1–5 – Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1964–1969. Вып. 1–5.

Т, 1856 – Повести и рассказы И. С. Тургенева с 1844 по 1856 г. 3 части. СПб., 1856.

Т, Двор гнездо, 1859 – Дворянское гнездо. Роман И. С. Тургенева. М., 1859.

Т, Дым, 1868 – «Дым», соч. Ив. Тургенева. М.: Изд. 1-е и 2-е бр. Салаевых, 1868.

Т, Отца и дети, 1862 – «Отцы и дети». Сочинение Ив. Тургенева.

Т, ПСС и П, Письма – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961–1968.

Т, ПСС и П, Сочинения – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960–1968.

Т, ПСС, 1883 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Посмертное издание. СПб., тип. Глазунова, 1883. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1897 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. 4-е изд. тип. Глазунова. СПб., 1897. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1898 («Нива») – Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 12 т. Приложение к журналу «Нива». Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1898; Пг.: Лит. – изд. отд. Наркомпроса, 1919.

Т, Рудин, 1936 – Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. 2-е изд. М.; Л.: Academia, 1936.

Т, сб (Бродский) – И. С. Тургенев: Материалы и исследования. Сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940.

Т, Соч, 1860–1861 — Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского. 1861. Т. II, III.

Т, Соч, 1865 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865. Ч. II, III.

Т, Соч, 1865 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Ч. 1–5. Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865.

Т, Соч, 1868–1871 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1868. Ч. 2, 3.

Т, Соч, 1869 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). Ч. 1–8. М.: Изд. бр. Салаевых, 1868–1871.

Т, Соч, 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. 2, 3.

Т, Соч, 1880 — Сочинения И. С. Тургенева. М.: Насл. бр. Салаевых, 1880. Т. 1–10.

Т, Соч, 1891 – Полн. собр. соч. И. С. Тургенева. 3-е изд. Т. 1–10. СПб., 1891.

Т, Сочинения – Тургенев И. С. Сочинения / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1929–1934. Т. I–XII.

Т, СС – Тургенев И. С. Собр. соч. В 12-ти т. М., 1953–1958.

Т, СС («Огонек») – Тургенев И. С. Собр. соч. / Под ред. Н. Л. Бродского, И. А. Новикова, А. А. Суркова. Прил. журн. «Огонек». Т. I–XI. М.: Правда, 1949.

Т, СС, 1975 – Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти т. М.: Художественная литература, 1975 (падение продолжается).

Т, Стих, 1885 — Стихотворения И. С. Тургенева. СПб., 1885.

Т, Стих, 1891 — Стихотворения И. С. Тургенева. 2-е изд. СПб., 1891.

Т, Стих, 1950 — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1950. (Б-ка поэта. Малая серия).

Т, Стих, 1955 — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1955

(Б-ка поэта. Малая серия, 3-е изд.).

Т, Стихотворения и поэмы, 1970 — Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. / Вступит, статья, подготовка текста и примечания И. Ямпольского. Л., 1970. (Б-ка поэта. Большая серия).

Твори путь Т – Творческий путь Тургенева. Сборник статей под редакцией Н. Л. Бродского. Пг.: Сеятель, 1923.

Театр насл — Театральное наследство. Сообщения. Публикации / Ред. коллегия: А. Я. Альтшуллер, Г. А. Лапкина. М.: Искусство, 1956.

Толстой – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958. Т. 1–90.

Труды ГБЛ – Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Academia, 1934–1939. Вып. III–IV.

Тучкова-Огарева – Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1959.

Успенский – Успенский Г. И. Полн. собр. соч. М.: Изд. АН СССР, 1940–1954. Т. 1–14.

Фет – Фет А. А. Мои воспоминания (1848–1889). М., 1890. Ч. I и II.

Фигнер – Фигнер В. Полное собрание сочинений в семи томах. Изд. 2-е. М.: Изд. Общества политкаторжан. 1932.

Центрархив, Документы – Документы по истории литературы и общественности. – И. С. Тургенев. М.; Пг.: Центрархив РСФСР, 1923. Вып. 2.

Чернышевский – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.

В 15-ти т. М: Гослитиздат, 1939–1953. Т. I–XVI (доп.).

Шаталов – Шаталов С. Е. «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева. Арзамас, 1961.

1858, *Scènes, I* – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Nouvelles russes, traduites avec l'autorisation de l'auteur par M. X. Marmier. Paris, 1858.

1858, *Scènes, II* – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot. Paris, 1858.

Ausgewählte Werke – Iwan Turgénjew's Ausgewählte Werke. Autorisierte Ausgabe, Mitau – Hamburg, E. Behre's Verlag, 1869–1884.

BE – «Вестник Европы» (журнал).

Delaveau – Récits d'un chasseur par Ivan Tourguénef. Traduits par H. Delaveau. Seule édition autorisée par l'auteur. Paris, 1858.

Dolch — Dolch Oscar. Geschichte des deutschen Studententhums von der Gründung der deutschen Universitäten bis zu den deutschen Freiheitskriegen. Leipzig, 1858.

Flaubert, Correspondance – Flaubert G. Œuvres complètes. Correspondance. Nouvelle édition augmentée. Paris: L. Conard, 1926–1930, séries I–IX.

Flaubert, Correspondance. Suppl. – Flaubert G. Œuvres complètes. Correspondance. Supplément (1830–1880). Paris, 1954. Т. 1–4.

Granjard, Ivan Tourguénev – Ivan Tourguénev, la comtesse

Lambert et «Nid de seigneurs», par Henri Granjard. Paris, 1960. (Bibliothèque russe de L'Institut d'études slaves, t. XXXI).

Mazon – Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930.

Mérimée – Mérimée Prosper. Correspondance générale. Etablie et annotée par Maurice Parturier. I série, tt. 1–6. Paris, «Le Divan», II série, t. 1–9. Toulouse, Privat.

T, Nouv corr inéd – Tourguénev Ivan. Nouvelle correspondance inédite. Textes rec., annot. et précédés d'une introd. par Alexandre Zviguilsky. Paris, 1971 (t. 1), 1972 (t. 2).

Tagebücher — Varnbagen K.-A. Tagebücher, 1861–1905, Bd. I–XV.

Zabel – Zabel E. Iwan Turgenjew als Dramatiker. – Literarische Streifzüge durch Russland. Berlin, 1885.

Комментарии

1.

Про поэта Языкова кто-то сказал ~ беспредметный восторг... – Возможно, Тургенев вспоминает суровую оценку поэзии Н. М. Языкова, которая встречается у Белинского, в частности в его статье «Русская литература в 1844 году» (Белинский, т. 8, с. 451–461).

2.

...спустил их вчера в банчишко. – Банк, или штосс, – вид азартной карточной игры, в которой одно лицо (банкомет) ставит определенную сумму денег против всех остальных игроков (понтёров).

3.

...вечерком в Сокольники ~ Цыгане поют... – Знаменитый московский хор цыган Ильи Соколова (современника Пушкина) исполнял преимущественно старые русские песни. После смерти его руководителя, в 1848 г., хор перешел к И. В. Васильеву. Его слушателями бывали А. Н. Островский, А. А. Фет, А. А. Григорьев, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев (см.: Глумов А. Н. Музыка в русском драматическом театре. М., 1955, с. 248; Штейнпресс Б. К истории «цыганского пения» в России. М., 1934, с. 12).

4.

...Поль де Кок! – Кок Поль де (Paul de Kock Charles, 1794–1871) – французский писатель, очень популярный в России в 1830–1840-х годах среди невзыскательных, малокультурных читателей.

5.

... в Троицкую Сергиеву лавру... – Троице-Сергиева лавра находилась в Сергиевом Посаде (ныне г. Загорск Московской области).

6.

...из тех писем, которыми он впоследствии наделял меня. – П. В. Анненков сообщал писателю 5 (17) сентября 1860 г. из Петербурга о его двоюродном брате М. А. Тургеневе: «...явился ко мне какой-то плачущий и голодный (по его уверению) Тургенев с Кавказа. Он Вашим именем просил денег, а для такого имени отказа не имею. Хорошо ли я сделал, дав ему 40 р. – не знаю...» К своему письму Анненков приложил следующую записку: «Добрейший и многоуважаемый Иван Сергеевич, попал в Петербург не вовремя, не застал Вас; не без добрых людей, т-г Анненкову угодно было выручить меня, одолжив мне 40 р. сер. Не забудьте душевно Вам преданного, а мне позвольте добраться до Спасского. Ваш М. Тургенев» (Труды ГБЛ, вып. 3, с. 99).

7.

...на карту поставить – паролі пэ... – Пароли пе (франц. paroli) – учетверенная ставка в азартной карточной игре.

8.

...Мишу за ноги к задку саней, как Гектора к колеснице Ахиллеса! – В книге XXII «Илиады» Гомера речь идет об единоборстве Гектора с Ахиллесом. После победы Ахиллес трижды объезжает вокруг стен Трои, волоча тело убитого Гектора, привязанное за ноги к колеснице.

9.

...хождение ~ по семи Семионам... – Вероятно, это выражение М. Полтева восходит к народной русской сказке «Семь Семионов» (см. варианты ее в издании: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. М., 1936. Т. 1, № 145–147).

10.

...и кончая берейторами... – Берейтор (от немецкого bereiten – объезжать лошадь) – служитель, обучающий верховой езде и выезжающий верховых лошадей.

11.

И не думайте, чтобы он был или воображал себя

Ловласом... – Ловлас (Ловелас) – герой романа С. Ричардсона (1689–1761) «Клариса Гарлоу» (1747–1748), имевшего огромный успех. В романе изображена трагическая судьба девушки, соблазненной аристократом Ловласом, повесой и бретером, имя которого как соблазнителя стало нарицательным.

12.

...плясали галопад... – Галопад (от франц. galop, galopad) – быстрый танец в 2/4; впервые появился в 1825 г.

13.

...он играл в пикет... – Пикет (франц. piquet) – старинная коммерческая (неазартная) карточная игра.

14.

...по письменной части ~ он знал прекрасно... – О прототипе Миши Полтева, М. А. Тургенева, писатель 24 декабря 1868 г. (5 января 1869 г.) сообщал П. В. Анненкову, что тот «до сих пор <...> был писцом в каком-то сельском обществе».

16.

В воспоминаниях современников и в переписке Тургенева (см. выше) он всюду ошибочно называется племянником писателя. Об М. А. Тургеневе см.: Алексина Р. М. Тургеневские материалы из архива Тульской области. –

17.

Художник В. В. Верещагин в своих воспоминаниях рассказывает, что в младшем классе Морского корпуса вместе с ним учился племянник Тургенева, «с первых же дней прозванный отчаянный; он скоро убежал из корпуса, и Иван Сергеевич снова привез его, уже связанного». Вспоминая об этом, Верещагин высказывает предположение, не был ли это «тот самый Мишка, о котором Тургенев впоследствии писал и рассказывал» (Верещагин В. В. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883, с. 127). Такое предположение, однако, ошибочно, так как М. А. Тургенев, родившийся в 1829 (а по словам Тургенева в рассказе – в 1828) году, был на 13–14 лет старше В. В. Верещагина (род. в 1842 г.) и не мог одновременно с ним учиться в Морском корпусе.

18.

ГПБ, ф. 621, архив А. Н. Пыпина, ед. хр. 89, л. 1 об. – 2; см. также: Василенко М. Воспоминания о Тургеневе одной из учениц м-м Виардо. – Киевлянин, 1883, № 198, 14 сентября; Ромм С. Из далекого прошлого. Воспоминания об И. С. Тургеневе. – ВЕ, 1916, № 12, с. 113.

19.

То есть «Старые портреты».